

Живет в Москве (Россия).

* * *

Мой двойник, закурив, поглядит на часы.
До вокзала недолго. Ноябрь. Пантомима
очень образна, красочна, так представима,
что над ней возрыдай хоть в четыре слезы.
На ограде ворона, как мокрая смерть;
в сердце совесть засела – заноза тупая;
треть судьбы позади, остальное – в тумане.
Впрочем, - прошлое тоже туманно на треть.
Ты в обиде слегка, да и я подустал.

Но пока мы стоим – и спасибо на этом –
спой мне что-то больное надрывным фальцетом,
что-то в стиле шансон – чтобы розы, хрусталь
и печаль, а любовь – непременно слепа.
Расскажи мне какую-то личную тайну,
чтобы грудь защемило аккордом гитарным.
Наиграй мне слова, чтоб не вспомнил себя.
И – до лучшего! Верно, оно впереди.
Распрощаемся, ну же, светло и красиво.
Отплывает экспресс в деловитую зиму,
чей-то голос желает удачи в пути.
Обернусь невпопад – но желают не мне.
Никого за версту в полутёмном вагоне.
Остывает в стакане горячее горе.
Засыпают чайники на дне.

* * *

*И исшед вон ... плакася горько.
(Евангелие от Луки. 22:61-62).*

Человеку снится туман, золотые льды,
будто нет никакой любви, никакой беды,
ни ночных звонков, ни дневной череды обломов.
Будто все пришли, кто не может уже прийти,
кто давно иные избрал пути:
сходят с мраморных плит и советских фотоальбомов.

Каждый снова молод, хорош, правдив,
в рюкзаках у них непростой мотив:
две струны, трин-трава, недоучка-скрипка.
Вновь аккорды знакомые ищет во сне рука.
Завтра будет зыбкой его тоска,
как сейчас – неподдельна его улыбка.

Оживают сразу столько любимых черт,
окружают его, поздравляют неясно с чем,
достают стаканы, коньяк и шпроты.
Человек просыпается на заре,
понимает, что на календаре
нынче праздник Страстной субботы.

Человек опять невесел, незряч, несмел,
не умеет смеяться, как не умел.
Тёмен день, и во мраке сада туманны лица.
Чем бессмертней – тем ярче пылают черновики:

так славней всего изменяют ученики,
и на смерть за тобой готовые, и в темницу.

И опять колыма: на работу-домой-домой.
Тащит крест в одиночку, ещё он живой-живой.
А посмотрит в зеркало – отшатнётся:
там в глаза ему младенец глядит седой,
на него не похож ни одной чертой,
тянет руки, залиvisto так смеётся.

Не успеешь проснуться – пустеешь внутри:
стены новые, город удельный.
Только розовый свет огнестрельной зари,
только розовый свет огнестрельный.
Пропоёт пустельга из тюрьмы золотой
про равенну, разлуку, расплату.
Страшно знать, что сейчас, но страшнее – потом.
Страшно жить. Поскорей бы заплакать.
Не умея, меж тем, ни того, ни того,
поздно сетовать, поздно учиться.
Оттого-то хибара тебе – не амвон,
и безвольная плеть – не десница.

Не успеешь родиться – уже за бортом:
очарованный странник с котомкой.
Позади – семь томов мемуаров о том
и о том-то, и снова о том-то.
Вновь расчертится карта, завоюет картечь,
вновь скомандует голос хрипатый,
и о берег морской полоумная речь
застучит в типографском припадке.
Но едва ли поймёт, не расслышит она
в этом принтерном гуле прибоя:
в опечатки твои прокрадётся одна –
и других увлечёт за собою.

[Страница автора в Сети](#)